

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АНТРОПОТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ АДРЕСАТА

В статье на материале российской и алтайской прессы дается обоснование понятия антропотекста как одного из базовых понятий антропологической лингвистики, которое рассматривается как отражение в тексте позиции читателя.

Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что изучаемый объект рассматривается прежде всего по его роли для человека, по его значению в жизнедеятельности человека, по его функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования [1. С. 212]. Неисчислимо многообразны аспекты (уровни, планы, каналы) отражаемого в тексте взаимодействия человека и языка: от проблем идиостиля и судебной идентификации личности по тексту [2] до, например, тендерного аспекта орфографии [3] или лингво-социо-психологических портретов политических деятелей [4], соционической типологии языковых личностей [5]; классификации свертхтекстов идеологом, ориентированных на обобщенный характеризованный тип адресата (с формирующимся сознанием тоталитарного типа) [6. С. 53] и т.д. Согласно перечисленным аспектам, антропоцентризм обнаруживает себя в том, что «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [1. С. 212].

На наш взгляд, обозначенная тенденция современной лингвистики поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования требует введения в научный оборот нового понятия - «антропотекст». Термином «антропотекст» мы определяем текст, рассматриваемый под антропологическим углом зрения. Классическая системноцентрическая лингвистика изучала текст как проявление языковой системы, предстающей в качестве его главной детерминанты. Современная антропоцентрическая лингвистика видит в тексте прежде всего проявления человека во всех сторонах его бытия - социального и психологического, индивидуального и типового, учебного и профессионального и т.п.

За интересом к тексту просматривается интерес к проблеме языковой личности, поскольку «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю - к человеку, к конкретной языковой личности» [7. С. 8]. Общий пафос такого исследования определяет формула: за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка (Ю.Н. Караулов). По определению Ю.Н. Караулова, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [7. С. 38].

Термин «антропотекст» для лингвистики значим еще и потому, что он актуализирует в изучении проблемы взаимодействия текста и языковой личности следующий момент: эта проблема есть проблема именно лингвистики, объект и предмет исследования которой - текст. Сравните рассуждение исследователей «наивного текста-нарратива»: «Постепенно проблема того, как именно написано, выходила на первый план. По текстам было хорошо видно, что они представляют собой разные типы

письма, которые коррелируют с социальным статусом пишущих. В центре внимания оказывался не столько референт исследуемых текстов, сколько тип текста как продукт практики письма, взятый в качестве социокультурной симптоматики. Росло понимание того, что «человеческие документы» представляют различные типы письма. Типы письма представляют людей, принадлежащих к разным группам» [8. С. 13].

Речевое произведение представляет собой особый антропотекст, т.е. текст, способный отражать разные аспекты языковой личности. Мы можем исследовать «психологический», «социальный», «юридический», «этический», «идеологический» и другие типы личности как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя психологический, социальный, юридический, идеологический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс.

На первых этапах исследования антропотекста лингвистика сосредоточилась на изучении различных проявлений в тексте языковой личности индивидуального или типового автора текста. Классификация антропотекстов в разных параметрах предстает в таких исследованиях как типология языковых личностей авторов этих текстов [2].

Антропотекст с разных сторон рассмотрения может выступать как «социотекст», «психотекст», «юротекст» и т.п. или же может представлять собой более сложную организацию, если он направлен, например, на массовую аудиторию. В этом случае можно говорить о существовании «социопсихотекста» (в частности в сфере массовой коммуникации), представляющего собой результат сложного, нередко весьма противоречивого взаимодействия автора и «потребителя» его речевой продукции, и если автор имеет намерение (а отсутствие такого намерения противоестественно для нормальной коммуникации) быть понятым своим адресатом, то в тексте найдет отражение и ориентация автора на определенного (в той или иной мере, разумеется) адресата (тип адресатов). Здесь уместно вспомнить утверждение Н.Д. Арутюновой о том, что всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, что удовлетворение пресуппозиции адресата - одно из важнейших условий эффективности речевого акта, а ситуация «Вы ошиблись адресатом» может быть уподоблена «обращению не в ту инстанцию» [9. С. 358].

В такой опредмеченной в тексте ориентации лингвист в ходе антропологического описания обнаруживает типовой (не исключено, однако, что и индивидуальный) портрет адресата (слушателя, читателя). Адресной направленностью текста во многом определяется вариативность текстов (в данном аспекте также антропотекстов!), имеющих тождественное или близкое содержание.

Считаем важным подчеркнуть, что, говоря об ориентации автора на адресата, мы имеем в виду не только осознанную речевую стратегию первого, но и не-

осознаваемый или слабоосознаваемый учет им тех или иных особенностей адресата. Нужно отметить, что в отечественной антропологистике чаще всего имеют в виду осознанную ориентацию автора на реципиента, вплоть до ее профессиональной организации. «Коммуникативный портрет» адресата (реципиента) рассматривается в лингвистике как «упорядоченная и взаимосвязанная совокупность необходимых автору сведений о тех сторонах личности адресата, которые обуславливают его свойства как приемника текста» [10. С. 119]. Модель речевого поведения автора в работах такого направления чаще всего предполагает установку на возможно более полное доведение до адресата авторского замысла, установку на то, чтобы реципиент его, как минимум, понял, а как максимум, стал объектом успешного суггестивного воздействия.

Залогом реализации установки на понимание является соблюдение автором целого комплекса условий, среди которых основополагающими являются следующие: реципиент должен обладать достаточным объемом специальных знаний в той области, в рамках которой будет протекать коммуникативный акт; реципиент должен иметь достаточный объем тезауруса; текст должен соответствовать прогнозируемой автором модели будущего общения, которая корректируется в процессе коммуникативного акта и т.п. [10. С. 120-121].

Таким образом, О.Л. Каменская подводит проблему отражения картины взаимодействия автора и читателя к их концептуальному взаимодействию.

Конкретным положением, непосредственно обосновываемым в нашей работе, является следующее: для успешного взаимодействия автора и адресата в газетно-публицистической сфере недостаточно только «пересечения» концептуальных систем реципиента и текста, необходимо также «пересечение» концептуальных систем автора и адресата через текст, а также пересечение фрагментов тезауруса автора и адресата. Интересно в этом отношении замечание В.В. Виноградова, сделанное им в опыте «Риторического анализа»: «К образу ратора, помимо собственной его языковой личности, примешивается еще исполнительский момент, который несет в себе отраженный образ слушателя (адресата речи)» (цит. по: [7. С. 32]). Отраженный образ читателя (подразумеваемый читатель) - важнейший компонент любого антропотекста, рассматриваемого в коммуникативном аспекте.

Осознанная или неосознанная ориентация автора газетно-публицистического текста на определенную категорию читателей для более успешного решения стоящих перед ним коммуникативных задач детерминирует речевую стратегию последнего, приводя его к созданию (или невольному отражению) коммуникативного портрета потенциального реципиента.

Информация о потенциальном реципиенте лингвистом-исследователем антропотекста может быть собрана различными способами (см. об этом [10], а также [11]). Достаточно полным источником изучения коммуникативного портрета группы или коллективного реципиента могут служить тексты СМИ, ориентированные на разного читателя.

Это оказывается возможным еще и потому, что, по определению Ю.М. Лотмана, «текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория - «своего» текста» [12. С. 203]. Владея некоторым набором

языковых и культурных кодов, лингвист может на основании анализа данного текста выяснить, на какой тип аудитории он ориентирован. Последнее будет определяться характером памяти, необходимой для его понимания.

Реконструируя тип «общей памяти» для текста и его получателей, мы обнаружим скрытый в тексте «образ аудитории». По мнению М. Лотмана, это означает, что текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому, как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя этого текста. При этом образ идеального читателя воздействует на реальную аудиторию и перестраивает ее по своему подобию.

Личность читателя по Ю.М. Лотману вариативна и способна настраиваться по тексту. С другой стороны, и образ аудитории, поскольку он не эксплицирован, а лишь содержится в тексте как «некоторая мерцающая позиция, поддается варьированию. В результате между текстом и аудиторией происходит сложная игра позициями» [12. С. 204].

В аспекте адресата важно также замечание Ю.М. Лотмана о том, что текст и читатель как бы ищут взаимопонимания. Они прилаживаются друг к другу. Текст подобен собеседнику в диалоге: он перестраивается по образу аудитории, ожидая и от адресата подобной же гибкости, приближающей его к миру текста. Ср. модель интерпретации вопросно-ответных текстов в работе [13].

Очевидно, что в сфере газетной коммуникации диалог между читателем и текстом (т.е. стоящим за ним автором) возможен лишь в том случае, если исходные представления о мире и окружающей социальной действительности (психосоциальные стереотипы сознания) у них пересекаются.

В данном аспекте требует переосмысления применительно к публицистическим текстам высказывание О.Л. Каменской по поводу «неинтересности» текста для адресата, если текст не несет новой информации, поскольку такой текст «не стимулирует его речемыслительную деятельность» [10. С. 120].

По нашим наблюдениям, а также по замечаниям некоторых исследователей, авторы, пишущие в СМИ, ориентируясь на определенного читателя, часто прибегают к излюбленным способам и приемам описания действительности, к типичным образам, отражающим, независимо от описываемого факта-события, психосоциальные стереотипы сознания реципиента. Так, Е.В. Какорина, описывая типичные свойства языка оппозиционных СМИ, отмечает в качестве характерного их признака фиксированный, заранее заданный характер оценок и другой концептуальной информации, **не обладающей свойствами новизны** (выделено нами. - Н.Г., Т.Ч.), манифестацию через эти средства узнаваемых оценок [14].

Важно также, что при описании разных событий способы подачи материала оказываются достаточно типичными для конкретного издания, а читатель стремится найти в публикации не столько новую информацию, сколько родственную ему систему ценностей - концептуальную систему (систему идеологических, социальных, мифологических и прочих стереотипов); и если он ее находит, то обретает чувство комфорта, исходящее из осознания «правильности» мироустройства.

Для успешного взаимодействия автора и адресата в газетно-публицистической сфере необходимо «пересечение» фрагментов тезаурусов языковых личностей автора и адресата.

В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет три уровня организации [7. С. 86-90]:

1) ассоциативно-семантический, или лексикон, включающий фонд лексических и грамматических средств, использованных личностью, т.е. в дискурсе языковой личности;

2) когнитивный, характеризующий свойственную личности картину мира и воплощенный в ее тезаурусе;

3) мотивационный (прагматикон), охватывающий коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие его мотивы, установки и цели, и резюмирующийся в наборе или сетке связанных с конкретными речевыми актами интенциональностей: надежд, желаний, страхов и т.д.

Структура языковой личности включает как вербализованную часть, содержащую в себя ряд мотивов, установок, целей, интенциональностей, а также значительное число грамматических законов, правил и структур, не осознанных индивидуумом и не проходящих через сферу его языкового сознания, так и невербализованную, относящуюся к сфере языкового сознания. Поэтому, изучая вербальные манифестации языкового сознания (например, тексты), можно получить представление о его масштабах, способах проявления и его распределении по разным сферам и уровням.

Тезаурус языковой личности представляет центр ее вербализованной части. «Тезаурус и прагматикон - это то, что в конечном счете интересует читателя... Тезаурус является ... в процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других персонажей, а прагматикон - в процессах говорения, т.е. в ее дискурсе» [7. С. 96].

При этом на тезаурусном (лингво-когнитивном) уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, отношения между которыми носят подчинительно-координативный характер и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, которая не прямо, но отражает структуру мира, отдаленным аналогом которого может служить обыкновенный тезаурус.

В качестве стереотипов выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает именно те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым «вечные» для нее истины, в значительной степени отражающие и определяющие ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту. Заметим, что этот выбор касается не только говорящего (пишущего), но и адресата речи: читатель газеты выбирает газету.

Ю.Н. Караулов, анализируя в своей работе тексты художественной литературы, отмечает, что вербализованную часть прагматикона составляют стереотипы текстовых преобразований, или способы представления и оперирования прецедентными текстами данной культуры [7. С. 91-92].

Опираясь на данные высказывания, можно предположить, что вербализованную часть прагматикона газетно-публицистических текстов также составляют

стереотипы текстовых преобразований как способы представления устойчивых стереотипов массового языкового сознания - мифологем, которые будут разными в зависимости от того, на какую аудиторию ориентирован публицистический «социопсихотекст».

При этом вербализованная часть прагматикона составляет глубинный слой в организации языковой личности, в то время как поверхностный слой принадлежит лексикону. При этом:

1) лексикон играет вспомогательную роль в процессе воссоздания особенностей какой-либо языковой личности;

2) лексикон в значительной степени пересекается с тезаурусом.

По замечанию Ю.Н. Караулова, лексикон можно строить двумя способами: либо на основе прямого ассоциативного эксперимента, либо по итогам анализа некоторой совокупности произведенных личностью текстов (то есть на основе ее дискурса).

Предпочтение второго способа дает возможность исследователю с большей степенью точности восстановить состав лексикона, получить минимум сведений о его устройстве, его конкретной структуре. Этот анализ дополняется приемами построения ассоциативно-семантической сети непосредственно из текста.

Основу лексикона любого текста составляют ключевые слова - центры семантического притяжения, своеобразные узлы ассоциативно-семантической сети [7. С. 128], вокруг которых группируются другие единицы текста.

О.И. Каменская предлагает такие ключевые (или доминирующие) слова называть номинантами («тематическими центрами» по А. Молю), а ассоциируемые с ними языковые единицы - ассоциатами.

Ассоциаты, сгруппированные вокруг «тематического центра» - номинанта - представляют собой файл, т.е. некую вербальную «ассоциативную систему», которая, в свою очередь, является фрагментом тезауруса языковой личности [10. С. 103].

На основе предложенного ранее анализа статей одной тематики из разных публицистических изданий, по-разному интерпретирующих один и тот же факт (террористический акт в Америке 11 сентября 2001 г.) [15], логично предположить, что и фрагменты тезауруса статей разных изданий будут различаться как количественно, так и качественно, в соответствии с ориентированностью издания на определенную категорию читателя.

А. Анализ языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений) - анализировались публикации из газет «Коммерсант» (центральная) и «Свободный курс» (Алтайский край) - газетно-публицистических изданий, условно названных нами «демократическими», позволяет на основе выявленной ранее интерпретации факта-события как «всемирной катастрофы», «угрозы цивилизации» выделить следующие «тематические центры» (номинанты): **война, мир, Америка, американцы, терроризм, Россия**, а также группирующиеся вокруг них *ассоциаты*:

1) война: «Третья мировая», «Armageddon Now», «Манхэттен военного времени», «потряс мощнейший взрыв, взметнулся огромный шар огня, новый удар, от которого содрогнулась земля», «Война тут же стала мировой»;

2) мир: «Похороны мира», «Всемирная катастрофа», «Черный день цивилизации», «Вызов всему челове-

честву», **«Отчаяние и растерянность»**, **«Удар оказался столь сокрушительным и столь масштабным, что после него мир уже не может не быть иным»**, **«Мир охватил страх, граничащий с ужасом. Если уж единственная сверхдержава оказалась не в состоянии предотвратить столь циничный теракт, то остальные государства и вообще являются беззащитными»**; **«трагедия только разворачивается, начав новый этап в истории мира»**, **«Мир изменился»**, **«Что теперь будет»**;

3) Америка: **«Американская трагедия»**, **«Граждане США потрясены»**, **«буквально на наших глазах символ прогресса и развития человечества рассыпался в прах»**, **«Самой мощной мировой державе была, по сути, объявлена война со стороны международного терроризма»**, **«В одно мгновение жизнь многомиллионного мегаполиса была превращена в кошмар»**, **«страну охватила паника»**, **«объявлено чрезвычайное положение»**, **«назвав случившееся национальной трагедией»**, **«случившееся застало американские спецслужбы врасплох»**, **«единственная сверхдержава оказалась не в состоянии предотвратить столь циничный теракт»**, **«Чем провинились США?»**, **«США олицетворяют «вселенское зло»**, **«массированная воздушная атака показала беспомощность США в пресечении террористических актов»**;

4) американцы: **«горе сближает, мы вдруг увидели совсем других американцев. Им было очень и очень больно. И еще страшно»**;

5) терроризм: **«Воздушный терроризм долетел до США»**, **«...война со стороны международного терроризма»**, **«террористическая атака»**, **«Однозначно, это исламисты»**, **«чудовищные террористические акты»**, **«циничный теракт»**;

6) Россия: **«Россия готовится к участию Америки»**, **«Владимир Путин собрал в Кремле экстренное совещание с силовыми министрами»**, **«руководство отреагировало поистине молниеносно»**, **«силам ПВО был дан приказ усилить контроль за воздушным пространством России»**, **«усилена охрана государственных объектов»**.

Б. Иной набор «тематических центров» (номинантов) и тяготеющих к ним ассоциатов выявляется на основе анализа публикаций из так называемых оппозиционных изданий: номинанты / ассоциаты. Анализировались публикации из газет «Правда», «Советская Россия» (центральные) и «Голос труда» (Алтайский край).

1) терроризм: **«Международный терроризм - вызов человечеству»**, **«Чума XXI века»**, **«никакого прощенья или снисхождения к организаторам этого страшного злодеяния нет и быть не может»**; **«чудовищный по своим масштабам террористический акт»**, **«А кто вообще доказал, что здесь действовал международный терроризм?»**

2) террористы: **«Атака с воздуха была организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! Почти одновременно захватить четыре самолета..., направить лайнеры на небоскребы, точно вырывать на Пентагон, да еще подготовить несколько взрывов на улицах городов - ну знаете ли!»**, **«Террористы сумели подготовить крупно-масштабный заговор, синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов»**; **«Терпение униженных не бесконечно»**, **«Вызревала ответная реакция - возмездие, на силу - силой, на притеснение-мст»**, **«Взрывы в США,**

воздушные атаки террористов — это бессмысленные шаги отчаявшихся на пожертвования фанатичных камикадзе», **«террористы - «порождение империализма»**;

3) Америка: **«Атака на Америку»**, **«Боинг шел на Белый дом»**, **«Трагедия Америки»**, **«Вторая Перл Харбор для США»**, **«Америка в шоке»**, **«Трагедия и позор Америки»**, **«Две развешенные в пыль башни нью-йоркского Всемирного торгового центра - две глиняные ноги современного Колосса - «нового мирового порядка под эгидой США»**, **«вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом лидере свободного мира»**, **«о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке»**, **«Великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия»**, **«США стали жертвой своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам»**, **«Балканы стали жертвой агрессии НАТО и США. А затем насильники присвоили себе роль судей над жертвами»**, **«Богатый мир, «золотой миллиард»**, **«не желает считаться с нуждами обездоленных стран»**; **«Белый дом сделал себя заложником собственной политики»**, **«стремились поймать ядерного журавля в космосе, а на грешной земле, у себя под носом - в значительной мере по собственной вине - не смогли ответить топор терроризма»**, **«Мировой жандарм породил своего врага»**;

4) американцы: **«Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам»**, **«Теперь американцы на собственном опыте узнали, что такое «точечные удары»**, **«ковровые и ядерные бомбардировки, вместе взятые»**; **«Бесконечно жаль простых американцев»**;

5) мир: **«кажется, даже за высадкой американских астронавтов на Луну... мир следил с менее жгучим интересом...»**, **«в череде хлестких сравнений и метафор, рожденных при виде нью-йоркского апокалипсиса возбужденным воображением европейских телерепортеров»**;

6) Россия: **«Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру, о чем постоянно говорит Россия»**, **«Россия ослаблена, Россия не в счет»**;

7) Советский Союз: **«При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем»**, **«Мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их никому... Россия ослаблена, Россия не в счет. Вот каков жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза»**.

Очевидно, что представленные выше на основе номинантов и ассоциатов фрагменты тезаурусов «демократической» и «оппозиционной» прессы имеют существенные различия, которые представлены в табл.

Различия в ассоциативно-семантической сети двух групп газетно-публицистических изданий проявляются как на уровне ключевых слов, или номинантов (узлов ассоциативно-семантической сети), так и на уровне ассоциатов.

Так, ключевые слова **террористы** и **Советский Союз**, активно функционирующие в «оппозиционном» публицистическом дискурсе, отсутствуют в анализируемом фрагменте тезауруса «демократической» прессы; в то же время ключевое слово **война** (**«Третья мировая»**, **«война сразу же стала мировой»** и др.,

Номинанты (узлы ассоциативно-семантической сети)	Ассоциаты	
	«Демократические» издания	«Оппозиционные» издания
Война	<i>Третья мировая; Манхэттен военного времени; потряс мощнейший взрыв; взметнулся огромный шар огня; новый удар; содрогнулась земля; война стала мировой</i>	
Мир	<i>Похороны мира; всемирная катастрофа; черный день цивилизации; вызов человечеству; отчаяние; растерянность; мир уже не может не быть иным; мир охватил страх, граничащий с ужасом; остальные государства являются беззащитными; новый этап в истории мира; мир изменился</i>	<i>Даже за высадкой американских астронавтов на Луну мир следил с менее жгучим интересом; череда хлестких сравнений и метафор, рожденных при виде нью-йоркского апокалипсиса возбужденным воображением европейских телерепортеров</i>
Америка	<i>Американская трагедия; граждане США потрясены; символ прогресса и развития человечества, самой мощной мировой державе была объявлена война со стороны международного терроризма; жизнь многомиллионного мегаполиса превращена в кошмар; паника; чрезвычайное положение; назвав случившееся национальной трагедией; случившееся застало американские спецслужбы врасплох; единственная сверхдержава не в состоянии предотвратить столь циничный теракт; чем провинились США; США олицетворяют «вселенское зло»; беспомощность США в пресечении террористических актов</i>	<i>Атака на Америку; на Белый дом; трагедия Америки, для США; Америка в шоке; трагедия и позор Америки, две развеванные в пыль - две глиняные ноги современного Колосса - «нового мирового порядка под эгидой США»; рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке; великая держава оказалась бессильной перед силой возмездия; жертва своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам; богатый мир, «золотой миллиард», не желает считаться с нуждами обездоленных стран; Белый дом - заложник собственной политики; по собственной вине; мировой жандарм породил своего врага; стремление Вашингтона к мировому господству</i>
Американцы	<i>Горе сближает; увидели совсем других американцев; им очень и очень больно, страшно</i>	<i>Стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится простым американцам; американцы на собственном опыте узнали, что такое бомбардировки; бесконечно жаль простых американцев</i>
Терроризм	<i>Террористическая атака; однозначно, это исламисты; чудовищные террористические акты; циничный теракт</i>	<i>Международный терроризм - вызов человечеству; чума XXI века; никакого прощения или снисхождения к организаторам этого страшного злодеяния; чудовищный по своим масштабам террористический акт; а кто вообще доказал, что действовал международный терроризм?</i>
Террористы		<i>Атака с воздуха организована и проведена в высшей степени на необъяснимо высоком уровне. Фантастическом уровне! ну знаете ли!; террористы сумели подготовить крупномасштабный заговор; синхронно и бесстрашно нанесли серию ударов; терпение униженных не бесконечно; ответная реакция - возмездие; на силу - силой, на притеснение - месть; воздушные атаки террористов - это бессмысленные шаги отчаявшихся фанатичных камикадзе; террористы - «порождение империализма»</i>
Россия	<i>Готовится к участи Америки; экстренное совещание с силовыми министрами; руководство отреагировало поистине молниеносно; дан приказ усилить контроль; усилена охрана государственных объектов</i>	<i>Теперь американцы, может быть, поймут, что такое международный терроризм и какую угрозу он несет миру, о чем постоянно говорит Россия; Россия ослаблена, Россия не в счет</i>
Советский Союз		<i>При Советском Союзе Америка могла чувствовать себя спокойной. Две сверхдержавы держали все-таки мир под контролем; мир еще нахлебается ковбойских наскоков, а остановить их некому... Россия ослаблена, Россия не в счет; жестокий урок развала и уничтожения Советского Союза</i>

с которым ассоциируется в первую очередь представление о теракте в Америке в «демократической» прессе, отсутствует в тезаурусе «оппозиционной» прессы. Те же номинанты, которые формально выражены од-

ними и теми же лексемами, в контексте реализуют разные значения, подчас прямо противоположные.

Так, если в «демократической» прессе лексема **мир** реализуется в таких значениях, как: 1) «Земной шар. Зем-

ля со всем существующем на ней»; 2) «Человеческое общество, объединенное определенным общественным строем, культурными и социально-историческими признаками» [16], и ассоциируется с лексемами *цивилизация, человечество, государства*, то в «оппозиционной» прессе лексема **мир** употребляется в более узком значении («те, кто наблюдал за событиями в Америке») и ассоциируется с лексемами *телерепортеры* и *телезрители*.

Ключевое слово **Америка** в «демократической» прессе ассоциируется со словосочетаниями *символ прогресса и развития человечества, самая мощная мировая держава; единственная сверхдержава*, в то время как в «оппозиционной» прессе с этим ключевым словом устойчиво ассоциируются словосочетания *жертва своей самоуверенности, высокомерного отношения к другим народам, богатый мир; «золотой миллиард», мировой жандарм* и т.д.

Разными ассоциациями в «демократической» и «оппозиционной» прессе «обрастает» ключевое слово **терроризм**.

В первом случае оно ассоциируется с лексемами *воздушный, международный, атака, однозначно исламисты, чудовищный, циничный*, во втором случае ключевое слово сочетается как со словами *международный, вызов человечеству, чума XXI века, страшный* (дань необычности произошедшего, обобщенное отношение к факту терроризма), так и с лексемами, в какой-то мере снимающими эту необычность: *чудовищный по своим масштабам*, а не просто *чудовищный*, как в первом случае. Кстати, одно из значений лексемы *чудовищный* - «выходящий за пределы обычного по своим размерам, величине, силе» [16], т.е. оговорка *по своим масштабам*, по сути, является смысловой тавтологичной и совсем не случайной.

Разные ассоциативные связи выстраиваются относительно ключевого слова **американцы**. Если в «демократической» печати оно ассоциируется с понятием «свой», «близкий» (*горе сближает; увидели совсем других американцев*), то в «оппозиционной» прессе это слово связано с лексемой **простые** (в противоположность официальной Америке): *стремление Вашингтона к мировому господству очень дорого обходится*

простым американцам, американцы на собственном опыте узнали, что такое бомбардировки, бесконечно жаль простых американцев.

Иногда в тезаурус того или иного вида прессы попадают, на первый взгляд, «чужие» выражения и обороты. Делается это для создания в тексте иронии, сарказма и т.п. В этих случаях «инородное» словосочетание обязательно помещается в кавычки.

Так, в газете «Советская Россия» находим следующее утверждение; *«Две развеянные в пыль башни нью-йоркского Всемирного торгового центра - две глиняные ноги современного Колосса - «нового мирового порядка под эгидой США»», «вместе с башнями рухнул миф о единственном и неповторимом «лидере свободного мира», о всемогущей, недостижимой и неуязвимой Америке»* (Хиросима в Нью-Йорке, «Советская Россия», 13.09.2001).

Аналогичный способ выражения авторского отношения к описываемому находим в газете «Коммерсант»: в публикации под заголовком «Чем провинилась Америка» читаем: *«США олицетворяют «вселенское зло»* («Коммерсант», 12.09.2001). При этом с учетом заголовка совершенно очевидно, что сам автор этого мнения не придерживается, для чего и использует кавычки.

В результате анализа на основе выявленных различий можно сделать вывод о принципиально разной организации фрагментов тезаурусов газетных СМИ, ориентированных на разную психосоциальную аудиторию.

В «демократической» прессе, посвященной событиям 11 сентября 2001 г., ключевыми понятиями, организующими фрагмент тезауруса, являются слова **теракт - мир - Америка**, в «левооппозиционной» прессе эта последовательность иная: **теракт - террористы - Америка**.

Выявленные различия в представленных фрагментах тезаурусов разноориентированных газетно-публицистических изданий чрезвычайно важны при описании антропотекстов с позиций отраженного адресата. Различия в ассоциативно-семантической сети фрагментов тезаурусов разнонаправленных изданий и представляют собой области пересечения языковой личности автора и языковой личности «своего» читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 144-238.
2. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. М., 2000. 248 с.
3. Булохов В.Я. Межполювые различия орфографической грамотности учащихся: Пособие по спецкурсу. Красноярск, 1999. 103 с.
4. Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль Церкви. М., 1999. С. 134-176.
5. Комиссарова Л.М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 22 с.
6. Кунина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург - Пермь, 1995.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996. 256 с.
9. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 40. № 4. 1981. С. 356-367.
10. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
11. Максимова Н.В. Функционирование чужой речи в письмах-откликах (на архивном материале отдела писем «Учительской газеты за 1987-1991 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 19 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
13. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 4. Функциональный аспект // Изв. Алтайского гос. ун-та. Вып. 4. Барнаул, 2002.
14. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 409-427.
15. Чернышова Т.В. События 11 сентября 2001г. и их отражение в средствах массовой информации (лингвистический аспект) // Современная Россия и мир: альтернативы развития. Мат-лы науч.-практ. конф. Дневник АШПИ. № 17. Барнаул, 2002. С. 282-287.
16. Словарь русского языка. В 4-х томах. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984.

Статья представлена кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета и кафедрой русского языка филологического факультета Алтайского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 15 февраля 2003 г.